

1.2. ЭКОНОМИЗМ

В эту группу входят те, кто считает, что рождение капитализма является естественным результатом экономического развития. В частности, марксизм с этой точки зрения принижен до экономизма. Так что, капитализм всегда воспринимался как экономическая модель. Политическая экономия чуть ли не поставлена во главе всех социальных наук. Под этим названием было объединены в дисциплину некоторые решения, касающиеся экономической жизни.

Реализация капитала, то есть вложений, приносящих прибыль, на базе существующей на рынке эксплуатации цен сыграла серьезную роль в развитии этого взгляда. Определена такая тенденция, в рамках которой считается, что возможно капиталистическое развитие в отрыве от истории, общества, власти, в целом от процесса цивилизации. Парадоксально, ноте, кто громче всех называет себя противником капитализма, возведя капитализм на не заслуженные им позиции, на словах оказываются борцами с той системой.

Можно понять политэкономистов английского происхождения. Поскольку это страна, где капитализм достиг своего апогея, можно ожидать, что они смогут смоделировать новую экономику. То, что К. Маркс акцентировал свое внимание на этой модели, с критических позиций английских политэкономистов очень важно и предельно объяснимо. Беда заключается в том, что произведение Маркса осталось незавершенным, а его последователи — марксисты — полностью превратили в карикатуру. Отсутствие систематического анализа отношения капитализма к власти и государству можно считать самым серьезным недостатком его учения. Он старался определить роль идеологии. Местами сильны его подходы, связанные с анализом мышления капитализма.

Однако его основная ошибка заключалась в том, что он опирался на взгляды позитивизма, являвшегося официальной идеологией эпохи Просвещения и давно уже оставившего свое клеймо в интеллектуальном мире. Маркс верил в то, что социология может добиться не меньше физики, у него не было никаких со мнений по поводу этого. Именно этот подход привел к тому, что его очень ценный груд «Капитал» остался половинчатым, а по сути своей был истолкован не столько как исследование, а как некий религиозный постулат. Известно, на какие дела способны последователи духовного учителя. Так, толкования Лениным империализма, монополистического капитализма и государства-революции не смогли превзойти уровня философии эпохи Просвещения. Более того, несмотря на некоторые взгляды на уровне серьезного вклада, отсутствие потенциала, способного превзойти капиталистический модернизм, стало основным фактором неудачного опыта Советского Союза.

В толкованиях капитализма, данных анархистами, также преобладает экономический акцент. Но они остались в рамках убеждений о том, что если капитализм как система исчезнет, если будет осужден экономически. Но это мировоззрение, изуродованное

позитивизмом. Вот что они утверждают: есть законы науки, и поскольку экономика тоже наука, стало быть, и у нее есть свои законы. Так вот, согласно этим законам, капитализм обречен на гибель, поскольку он порождает кризисы. В первую очередь надо ускорить действие этих законов. Вывод: капитализм падет и на его месте будет построен коммунизм! Ясно, что в основе этих взглядов лежит неверное восприятие общественных реалий. Для общества характерна систематика, даже хаос, которые действуют далеко за пределами идеологии эпохи Просвещения. Все интеллектуально-структурные образования общества не только сильно отличаются от науки, признанной позитивной, но и в большинстве своем характеризуются хаотическим характером практического состояния, поэтому они требуют разнообразных подходов к решению и практической реализации собственного потенциала.

В свете этих критических замечаний мы можем пролить свет на связь экономики с капиталом, то есть внутри самой системы капитала. Несмотря на то, что первое утверждение может показаться парадоксальным, но, тем не менее, капитализм нельзя считать экономикой. Действительно, рассмотрение капитализма как политического режима приблизит нас к осознанию прибыли, лежащей в его основе. Здесь очень важно не опуститься до простой конкретизации власти и государства. То есть не стоит перескакивать от экономизма к рассуждениям о власти. Если бы социолог Макс Вебер вместо своего труда под названием «Протестантская этика и дух капитализма» просто истолковал капитализм как секту, то его шансы на полное раскрытие темы заметно возросли бы. Fernand Braudel пытался объяснить зарождение капитализма установлением монополии на цены, образующиеся на рынке. При том что все упомянутые позиции, включая Маркса, имеют серьезное значение, их основным недостатком является то, что экономическое обоснование в них ставится во главу угла, как нечто обязательное.

По моему мнению, капитализм — это зародившаяся в Западной Европе, начиная с 16-го века, господствующая общественная формация, в основе которой лежит старая военно-политическая и культурная традиция, вовлекшая в организационную форму хитрую аннексию всех общественных ценностей, в первую очередь, материальные накопления. Рождение капитализма мы также можем назвать современным звеном древней аннексионистской традиции, которая ознаменовалась захватом общественных ценностей, сформировавшихся вокруг матери-женщины, группой мародеров, сколотившейся вокруг сильного мужчины. Рождение капитализма — это акция социальных групп с развитым спекулятивным мышлением, которые в Англии и Голландии, а еще раньше в таких развитых городах-государствах Италии, как Генуя, Флоренция и Венеция, в виде первых капиталистических групп осуществляли свою тесно сплетенную с государством деятельность чуть ли не в форме сект, и при помощи введенных ими новшеств продемонстрировав мастерство сколачивания денег, захватывали гигантские материальные ценности, легко играя ценами, образующимися на рынках, развернувшихся во всех точках мира, и, при необходимости, могли легко применить силу. Некоторые могут назвать их местной династией, аристократией и буржуазией. Единственным и важнейшим различием первых капиталистов от первобытных и средневековых разбойников, является то, что они базировались в городах, жили в тесном сотрудничестве с государственной властью, а при необходимости применения силы делали это в завуалированной форме, как бы оставаясь на втором плане. На первый взгляд, у экономики есть свои правила. Упомянутые группы тоже извлекали прибыль в соответствии с этими правилами, используя свой интеллект и первый

стартовый капитал. Исследование капитана на протяжении всей его истории покажет, что данный подход чем-то сродни сказке.

В колониальных войнах, развернутых на базе первых накоплений, никаких экономических правил не было. Колонии, которыми управляли Португалия, Испания, Голландия, Франция, а до них еще Венеция и Генуя, обеспечивали первое накопление капитала, непосредственно и полностью основанного на применении силы. Эта истина с легкостью подтверждается на примере рынков близлежащих стран и колониальных территорий. После первых «сорока разбойников» в дальнейшем возникли прослойки господ. Появились первые феодалы. Называя современных «сорок разбойников» господами-буржуа, будет данью моде, не более того. Дисциплины, называемые экономическими науками, продолжают свою главную функцию, которая заключается в маскировке сути дела. Какая теория сможет сделать хорошую презентацию в этих вопросах, та и будет премирована, и поставлена во главу угла. Ни одна наука так вольно не играет с действительностью, так не переворачивает истину с ног на голову, как это делает экономическая наука. Наибольшее заблуждение, основанное на инсинуациях, мы видим на примере капиталистической политекономии. Капиталистический модернизм стал единственной системой, сумевшей занять люксовые позиции, благодаря науке, скорее напоминающей ремесло фальшивомонетчика.

Фундаментальной проблемой всего живого является добыча объектов экономики или материальной жизни. Экономика является тем самым материалом, на базе которого реализуется процесс эволюции. Система живых существ продолжает свою жизнедеятельность путем метаболического переваривания элементов питания, полученных извне и соответствующих собственной системе пищеварения. Общее, правило эволюции, заключающееся в том, что постоянный характер жизнедеятельности обеспечивается путем дифференциации. Для того, чтобы предотвратить чрезмерное увеличение численности одного вида и препятствовать нашествию, тем самым, уничтожение других видов, эволюция поддерживает постоянный баланс в природе. Так, чрезмерный рост численности грызунов, наносящих колоссальный ущерб растительности, предотвращают змеи, те же самые функции в отношении стад баранов, коз и буйволов выполняют хищники, что и способствует поддержанию природного баланса и развитию видов. На вопрос, почему так происходит в рамках естественной эволюции, можно дать ответ только изучив их результаты. На мой взгляд, основная причина заключается в стремлении всего живого поддержать свою жизнедеятельность путем развития. Как это можно назвать, дикостью природы, или ее справедливостью? Это — тема отдельной дискуссии. Это все есть продукт глубокого мышления, или связано с примитивностью? Стоит ли включать это в рамки метафизики, или нет? На мой взгляд, это важные проблемы, относящиеся к бытию, к которому следует подойти с позиций аналитического мышления. Этот аспект можно связать также с существованием общества.

Самой важным ответом, на эти проблемы, может быть то, что эволюция постоянно отслеживает процесс совершенствования. Поиск совершенного и прекрасного во вселенной и в потоке времени становится как бы мечтой. В противном случае как можно будет объяснить развитие эволюции до современного типа человека, более того, развитие самого человека в условиях узкого общества? Если бы мир делился на львов и буйволов, то жизнь не развилась бы дальше примитивных водорослей. Величественная эволюция, сформировав

человека, способствовала переходу на уровень таких категорий, как совесть и мораль. В чем смысл? В милосердии и справедливости! Суть этого принципа выражена следующим образом: «Если бы было единомыслие во всем, то ягненок и волк жили бы бок о бок». В этом кроется вселенский признак. Возможно ли братство волка и ягненка? Практика человека доказала возможность этого. Иными словами, незаменимым условием человечности должно стать размышление о том, что «человек человеку не волк» (в противовес ужасающего принципа капитализма). Что касается сути вопроса, то когда-то у ягненка и волка был один общий предок. Различия появились позже. Отчего бы им не начать повторный путь, теперь уже, по меньшей мере, к братству? Как минимум, теоретически это возможно, и существует много примеров тому.

Вот для чего я говорю об этих обстоятельствах: ясно, что количество случаев зарождения капитализма, которые мы можем наблюдать в истории эволюции, крайне ограниченные, можно сказать, дикие примеры этого явления не могут служить поводом для оправдания этой формации. Вот еще один, более выразительный ответ: если не брать во внимание тот факт, что эволюция способствовала развитию первых примитивных водорослей до уровня растений, растущих на суше, далее до величественных деревьев, а также эволюционный путь до формирования миллионов травоядных (не поедающих друг друга) животных, то неужели применительно к жизни человека стоит рассматривать те примеры, которые можно было бы истолковать как раковые опухоли на теле эволюции? Исходя из того, что в естественно-эволюционном процессе нет места теории зарождения капитализма, я должен подчеркнуть эти обстоятельства в качестве преамбулы. Сюда входит еще и обратный принцип, заключающийся в постоянном увеличении армии безработных и неизменно низком уровне заработной платы.

С биологической точки зрения подтверждается то, что человек, осуществляя свою жизнедеятельность на социальной основе, несет в себе отпечатки всех вселенских процессов, что расширяет его практические возможности. Если толковать науку, не связывая ее с религией позитивизма, то четко осознаем, что это и есть прекрасное определение. Я говорил, что в части, касающейся Социологии Свободы, постараюсь изложить свои взгляды и на эту особенность человека, и на его нравственный выбор, и на его способность к суждению (возможность свободного выбора); я также вкратце остановлюсь на РИТМИЧНОМ РАЗВИТИИ социального прогресса, которое не противоречит естественной эволюции, и постараюсь остановиться на вопросе о том, почему цивилизованную жизнь, основанную на чрезмерной урбанизации, а также на государственных и авторитарных очагах, растущих подобно опухоли вместе с урбанизацией, иерархической структуризацией и классовым расслоением, следует рассматривать или в плоскости «разъяренного льва», или, напротив, в плоскости «забитого вола».

Прежде всего, я вновь должен подчеркнуть, что в эволюционном процессе можно найти корни такого рода процессов, а в эволюции человека, как вида, эти явления можно считать своего рода болезнью, искажением и атавизмом (например, каннибализм). Более того, необходимо предельно ясно осознать то, что естественный ритм эволюции не таков. Очень важно понять то, что социальная система, обладая характерными чертами атавизма, ни в рамках цивилизации в целом, а в частности, на ее капиталистической стадии не может сформировать вторую природу, и это надо не просто отчетливо выявлять (пусть это будет

сдачей, стоящей перед академиками), но воспринимать как фундаментальный жизненный принцип. В противном случае все свои рассуждения мы изначально обрекаем на ущербность.

Рассуждая о рождении капитализма, Фернан Бродель обнаруживает очень широкие возможности наблюдения и сравнения. Так, исследуя историю, общество, власть, цивилизацию и культуру в рамках категории места, он вносит ясность и в проблемы метода. Он проявляет крайнюю осторожность в отношении позитивистских подходов. К. Маркс, находясь под глубоким влиянием Просвещения, берет за основу позитивистскую науку крайне амбициозен в своих взглядах на экономику как на науку, здесь надо принять во внимание и долю социологии, находившейся на стадии роста. Научная категоричность и линейная прогрессивность давно уже внедрились в сознание на уровне кредо. Романтизм, пытаясь разрушить эту линию, напротив, впадая в волюнтаристские крайности, усугубляет все проблемы мыслительного характера. Тяжело добавить что-либо новое в позиции Ницше, для которого характерны релятивизм, цикличность и чувственность мышления. Именно в этой обстановке духовного смятения либерализм обретает силу. Если при помощи позитивизма капитализм способствует философскому уклону, точнее, привносит религиозный оттенок, в точные науки (в том числе химия, математика, биология), то при помощи либерализма он делает то же самое с социальной действительностью. Одержав на этой базе победу в идеологической борьбе, с наступлением 19-го столетия добивается глобализации системы. Что касается экономической победы, то она была достигнута гораздо раньше. Попробуем углубиться на этих критических замечаниях и толкованиях.

Общества в рамках своего интеллектуального развития всегда находятся в поиске объектов своих материальных потребностей и развивают их; так, предметом их постоянных раздумий постоянно является вопрос пищи, крова над головой, размножения и собственной безопасности. Раньше люди могли довольствоваться тем, что удалось найти, жили в пещерах, лучше защищали свою жизнедеятельность на берегах озер или на окраине леса, признавали превосходство матери, дающей начало новой жизни, и все это происходило в силу указанной основной потребности. Со временем на исторической арене появляется охота. Развитию этой культуры способствует стремление к сохранению собственной жизни и потребность в мясе. Но с самых ранних этапов формирования общества можно наблюдать все возрастающую напряженность взаимоотношений между женщиной, занимающейся собирательством, и мужчиной, который преимущественно был охотником, и именно это привело к поляризации общества на базе двух различных культурных эволюций. На обоих полюсах общества происходит одностороннее развитие, и если с одной стороны происходит формирование образа мужчины-льва, то с другой стороны формируется образ безмолвной и трудолюбивой женщины-буйволицы. Именно таким образом формируются основы двух различных экономических мировоззрений. В эпоху неолита женская культура достигает своего апогея. После последнего ледникового периода, то есть, начиная с 15 тысячелетия до н. э., в частности, очень богатый растительный покров и животный мир в горной системе Тавра и Загроса (в предгорьях) способствовал формированию эйфории райской жизни. Являясь основным потоком развития общества, дошедшим до наших дней, этот период, пережив в дальнейшем период дифференциации в рамках письменной истории и цивилизации, фактически оставил свой серьезный след на всем процессе глобализации. Процессы, происходящие и по сей день в рамках различных языковых групп, являются

продуктами того периода.

Единственным значительным фактором, о котором можно говорить в связи с капитализмом на протяжении этой длительной истории человечества, это то, что охотничья культура со временем способствовала превращению мужчины в гегемона общества. Насколько можно утверждать, неолитическая культура, получившая и 10 тысячелетии до н. э. постоянный характер, имела преимущественно женское содержание. Переход из пещер в примитивные сооружения наполовину-шатрового типа (вблизи пещер), имевший место в эпоху собирательства, появление навыков, связанных с посевом растительных семян, сбором и хранением урожая, в дальнейшем способствует сельской и земледельческой революции. Современные археологические исследования и раскопки свидетельствуют о том, что указанная культура развивалась и Верхней Месопотамии, в частности, во внутренних подножьях горной системы Тавра и Загроса (Брадостиан, Гарзан, Аманос и внутренние предгорья Среднего Тавра, культуры Невали Чори, Чайону, Чаме Халлан). Пусть и в ограниченной степени, но уже происходило накопление излишков продукта.

Возможно, впервые применительно к этому стилю накопления можно использовать слово экономика, даже если не в плане понятийной категории, а как характеристика ее сути. Как известно, слово «экономос» в переводе с греческого языка означает «закон семьи, дома». Экономика родилась вместе с рождением первых оседлых сельских семей, сплотившихся вокруг женщины, а также обретением человеком возможности хранения и складирования, пусть и в очень ограниченном количестве, продуктов питания, в первую очередь, тех, что могли определенное время не портиться. Но это не было накоплением, способным удовлетворить потребности купца и рынка, это всего лишь накопление для нужд семьи. Именно такая форма экономики, судя по всему, является самой человеческой и самой настоящей. Благодаря широко распространенной культуре дарения, накопление, как явление, не стало фактором угрозы устоям семьи. Принцип «Имущество порождает жажду обладания», по всей видимости, зародился именно в тот самый период. Культура дарения является значительной экономической формой. Она в высшей степени соответствует ритму развития человека.

Можно говорить, что именно в указанный период началось формирование культуры жертвоприношения. Совершенно очевидным является го обстоятельство, что сама по себе система божеств сформировалась как результат уважения общества, заимевшего излишки продукта, к высшим силам и как результат первого выражения этого уважения. Рост производительности повлек необходимость восхваления тех сил, которые, согласно мировоззрению человека той эпохи, сделали возможным этот рост. Поскольку источник этого мировоззрения лежит в недрах эволюции стиля жизнедеятельности общества, представление таких явлений, как самоидентификация и возвышенность результатами молитвы, поклонения и возрастающего развития духовного мира теснейшим образом связано с земледельческой революцией. Археологические находки довольно ярко подтверждают эти предположения. Более конкретно можно сказать, что эти факторами подтверждаются такие понятия, как мать-богиня и священная мать. Распространенность женских фигур является одним из важнейших обстоятельств, подтверждающих эту истину.

Но пугающая опасность возникнет позднее. Накопление излишков продукции, растущее, благодаря опыту и развитию со знания, но не потребляемое в форме дарения, воспринималось сидящим в засаде мужчиной-охотником как предмет торговли, так и формировалась культура торговли. Накопление излишков продукта в различных регионах способствует возникновению такого явления, как торговля. Свойство продуктов удовлетворять взаимные потребности сторон приводит к рождению торговли и купца, как профессионального, или второго серьезного разделения труда. Пусть и в загруженной рецессиями форме, но человек узаконивает это явление, потому что продукт, выставленный для торговли, фактически развивает разделение труда. Это, в свою очередь, способствует повышению производительности производства и самой жизни. Чем больше продуктов и качества с одной стороны, и полезных ископаемых с другой стороны, тем осмысленнее торговля.

История свидетельствует о распространении торговли, начиная с 4-го тысячелетия до н. э. В связи с развитием цивилизации вокруг города Урук, ставшего первым городом-государством в Нижней Месопотамии (4000-3000 г.г. до н. э.), наблюдается формирование крупной торговой колонии, растянувшейся от Элама, что на юго-западе Ирана, до окрестностей современных юродов Элязыг и Малатия, что в Верхней Месопотамии. Первые очаги колонизации появились именно таким образом. Ранее, в 5-4 тысячелетиях до н. э., в доурукский период, господствующей была колониальная культура Эль-Убейд (первая серьезная патриархальная культура догосударственной эпохи). Торговля и колонизация развивались в тесном переплетении. Керамика и ткацкие материалы обмениваются на ископаемое сырье и древесину. Вместе с купцами появляются рынки. Бывшие центры дарения и жертвоприношения постепенно превращаются в рынки. Первого торговца, достигшего уровня понимания преимущества примитивного ценообразования между продукцией, привозимой из различных регионов, можно назвать древним капиталистом. Ведь, имея возможность назначать цену за продукт, он обретал возможность невиданного на тот период накопления товара.

Должен сказать, что опять-таки процессу превращения ценностей в товар способствовало влияние обмена товаров и торговли. Еще не был совершен переход от «экономики дарения» до обменных ценностей. Основным для общества является потребительская ценность товаров. Потребительская ценность является их свойством удовлетворять определенные потребности. Для человека основным является именно эта ценность. Обменная ценность является спорным понятием, поэтому большое значение имеет ее правильная характеристика. На мой взгляд, рассмотрение труда, как основы обменной ценности, является очень спорным подходом, включая позиции Маркса. Какой бы разновидностью труда ни пытались ее объяснить, конкретным трудом, или абстрактным, обменная ценность всегда будет носить спекулятивный характер. Предположим, первый торговец из Урука, находясь в одной из торговых колоний на берегах Евфрата, решил обменять свои керамические изделия на различные камни и ископаемые соединения. Когда мы говорим о том, кто первым должен установить обменную ценность, то, во-первых, имеем в виду степень взаимных потребностей, во-вторых, инициативу купца. Чем выше уровень потребности, тем дороже купец может оценить свой товар. Вместе двух против одного он с легкостью может установить пропорцию четыре против одного. Не было никаких факторов, которые могли воздействовать друг на друга, кроме совести, точнее, силы купца. Где же в

таком случае роль труда?

Я вовсе не намерен полностью игнорировать фактор труда, я всего лишь утверждаю, что этот фактор не является основным и определяющим. Это обстоятельство можно проследить во всех случаях обмена товаров, имевших место в истории. Время от времени в процессе обмена товаров на почве свободной конкуренции мог осуществляться обмен труда и стоимости, близкий к уравниванию. Но это скорее теоретический обмен между трудом и стоимостью. В действительности, определяющей оказывается спекуляция. В некоторых случаях имеет место чрезмерное накопление товаров, и тогда этот товар обесценивается. Поскольку мы не можем сказать, что в случаях, когда требуется дополнительный труд для уничтожения обесценившегося товара, стоимость самого труда исчезает, становится ясно, что труд не является основным определяющим критерием. Опять-таки определяющей становится сила купца, имеющего возможность создавать и кризис и обилие. Дело в том, что одни товары создаются при помощи других. На протяжении всей истории, благодаря накоплению продукта усилиями тысяч безымянных трудящихся, осуществлялось производство товара. Хорошо, какой механизм может обеспечить выплату этим ушедшим в историю трудящимся то, чего они заслуживают? Если к ним прибавить еще созидающего ремесленника, даже необходимость социального влияния, то станет ясно, что невозможно представить себе цену, стало быть, оплату такого труда, который называется живым трудом?

Именно здесь выявляется ущербность или фальшивость английской политэкономии. Как известно, первая победа капитализма как системы имела место в островной Англии и Голландии. Непременным условием узаконения капитализма нужны теоретические мотивы. В частности, для того, чтобы завуалировать тот факт, что капитализм является спекулятивной прибылью, очень серьезное значение имеет приемлемая теория. Точно так же, как происходило в первых урукских торговых религиях, роль представителей новой версии мифического мировоззрения оказалась в руках тех, кто на словах называются учеными-политэкономистами, а на деле являются создателями новой религии капитализма.

Так что была создана не политэкономия, а новая религия. Причем, как и в любой религии, новая религия внедрялась при помощи священных книг и многочисленных разветвленных течений. Политэкономия является самым фальшивым и грабительским производением инсинуационного мышления, созданного для того, чтобы завуалировать спекулятивный характер капитализма (товарный сток с целью управления ценами, злоупотребление разницей между регионами), оставившего далеко позади себя даже грабительскую деятельность самых коварных сорока разбойников. Теория труда и стоимости в данном случае становится объектом охоты. Мне действительно интересно, каким образом ей дали предпочтение?! Уверен, что основной причиной стало отвлечение грудящихся. Даже К. Марксу не удалось уберечься от роли наживки в этой жесткой охоте. Мне действительно больно писать эти строки с критикой, но наше уважение к науке требует откровенного выявления всех наших сомнений.

Раскрывая эти обстоятельства, можем сказать следующее: второй крупный скачок в формировании класса торговцев ознаменовался на базе ассирийских колоний во 2-м тысячелетии до н. э. Можно сказать, что ни одна деспотия не смогла создать такую

цивилизацию, основываясь на торговле и торговых колониях, как это удалось сделать Ассирии (в последующих главах я остановлюсь на связи капитализма с властью). Ассирия была одной из первых, кто в мировом масштабе вел развитую торговлю и построил собственные колонии (2-е тысячелетие до н. э. — 7 век н. э.). В сравнении с ассирийскими торговцами на втором плане остались даже достигшие высокого уровня мастерства в своем деле купцы Финикии, за спиной которой примерно в тот период была цивилизация Древнего Египта. Подобно тому, как в Европе на заре рождения капитализма вместе с Англией были Голландия и Португалия, так и эти две древние цивилизации, своей торговой деятельностью, закованной в кровавую силу, сколотили богатство, сравнимое с горой Каф. Исследование истории накопления богатства Ассирии и Финикии при помощи торговли и силы покажет, что следы именно этих двух держав наиболее явно присутствуют в истории европейских колонистов (Испания, Португалия, Голландия, Англия, Франция, Бельгия и т. д.). С гордостью говорили правители этих деспотий о том, что возводили крепости и крепостные стены из человеческих черепов. Этика и культура жизни, сформированная на базе этой аннексионистской политики, по сей день не покидает реалий Ливана и Ирака, поскольку эти два государства не могут избавиться от участи быть ареной самых жестоких войн. Неслучайно республиканский Рим уничтожил Картаджу (финикийскую торговую колонию), сравнив ее с землей. Опять же неслучайно мидяне в 612 г. до н. э. сравнили с землей столицу Ассирии Ниневию.

Необходимо обратить внимание на торговые цивилизации. Во главе основных причин всех войн и появления государственных образований в истории лежит забота о безопасности купцов и торговых колоний, точнее, защита их интересов. Хорошо известно, что основная причина современных войн в регионе Среднего Востока заключается в нефтяном бизнесе (как жаль, что здесь, в Ираке — Уруке, началась первая война, и сегодня в регионе в самой жестокой форме опять же идет война). Можно представить еще больше примеров, но в этом нет необходимости.

В процессе капитализации экономики и перемещения центра цивилизации в Европу также можно наблюдать торговые причины. Средневосточная торговая цивилизация в средние века совершила новый скачок на базе распространения ислама. Лично Хатиджа и Мухаммед, позднее ставший ее мужем, в результате соперничества с сирийцами ассирийского происхождения, а также торговцами и ростовщиками еврейского происхождения, опять же, не без применения силы, создали свою торговую цивилизацию с центрами в Мекке и Медине. Под покровом исламской религии древние города Среднего Востока переживали новый подъем на базе торговли. Падение Византии и Сасанидской империи способствовало формированию в регионе крупной сети городов и рынков, в первую очередь, это Алеппо, Багдад, Каир и Дамаск. Торговые сети, распространившиеся от Китая до Атлантического океана, до внутренних районов Индонезии и Африки стала обретать вселенский характер. Сформировался развитый товарно-финансовый рынок. В руках евреев, армян и сирийцев сконцентрировался серьезный капитал.

Европа полностью опирается на полученное наследство. История свидетельствует о том, что торговая культура Среднего Востока, которая в лице мусульманских торговцев пережила еще один прорыв, начиная с 13-го века, стала перемещаться в Европу. в первую очередь, в итальянские города Генуя и Флоренция. Деньги и торговля являются главными причинами

их богатства. До 16-го века они лидируют в торговле между Европой и Средним Востоком. Может быть, впервые в истории они одерживают свои победы в масштабе города в смысле понятия и практически. Главную роль при этом играют и пиратские традиции Средиземноморья, и ценовая монополия, существующая средиземноморском перешейке между западом и востоком. Спекуляция идет нога в ногу с насилием. Превращение торговли в капитал, капитала в город, города в рынок, а рынка в расширение спекуляции приводит к рассвету капиталистической цивилизации. Еще один прототип этой стадии развития капитализма имел место в эпоху Афин и Рима (середина I-го тысячелетия до н. э. — середина I тысячелетия н. э.). То, что капитал в эту эпоху не достиг серьезных побед, напрямую связано с преимущественной ролью земледелия, а также поражениями в религиозных войнах. Положительный опыт капитализма в итальянских городах-государствах в 14—17 вв. перемещался в направлении северо-западной и северо-восточной Европы. Впрочем, Испания была завоевана еще раньше. Начиная с 16-го века, длительный путь развития купечества впервые превращается в победы, которые по своим масштабам превышают уровень города.

Формируется рынок в мировом масштабе. Африка и Америка становятся объектами колонизации. Минувя Османскую империю, рынок устремляется в Индию и Китай через Атлантический океан и Южную Африку. В Европе начинается усиленный процесс урбанизации. Городской образ жизни впервые оказываются выше земледелия. Феодальные королевства превращаются в современные монархические государства. Последняя исламская империя, коей была Османская империя, последовательно терпит одно поражение за другим. Ренессанс начинается в 14-м веке в Италии и распространяется на территории всей Европы. Реформаторство в религии достигает успеха в Северной Европе. Впервые эпоха заполняется религиозными войнами. Что более важно, все культурные и цивилизационные ценности Китая, Индии, исламской цивилизации и даже Африки, и Америки целыми потоками были направлены в Европу. С одной стороны происходило рождение современного типа государства, с другой стороны, наций.

По мере стремления капитализма к победе за ним тянется шлейф так называемой истории, культуры, торговых накоплений, цивилизации, политики и раздробленного мирового единства. Разве возможен скачок капиталистической экономики без всех этих предпосылок и без опоры на эти условия? О какой возможности можно говорить, если даже понятие капитала было бы попросту невозможно? Подобно тому, как первым шагом истории стала урбанизация, классовое расслоение и становление государства в первом городе Урук в Нижней Месопотамии, вторым крупным шагом стала торговля и урбанизация в Финикии и Ионии, на этот раз третий крупный шаг она сделала, благодаря идеальному развитию на базе всех вышеуказанных условий, но теперь уже в географических условиях Италии, Голландии и Англии, крупной торговли, урбанизации, капиталистической экономики, ставшей вершиной и противоречием мирового рынка. Именно эти реалии существуют и по сей день, но уже под главенством США.

Фернан Бродель, настойчиво говоря о том, что капиталистическая экономика является экономической формацией, основанной на спекулятивном монополистическом разделении цен в противовес рынку и в сфере крупной торговли, в плане анализа реалии, оказался гораздо ближе к истине, нежели К. Маркс.

Мы наблюдаем экономический тип или формацию, которая дошла до власти в зеркальном отражении исторических событий, смогла максимально развить рынок в собственной структуре, начала устанавливать свое господство на всем протяжении от города до села, и в обстановке, где связь с религией и этикой отброшены на второй план, она основывается на утонченном и идеологически упакованном грабеже накопленного товара. Цена, формирующаяся в новой форме аннексии, несомненно, благодаря предложению и спросу, встречающимся на рынке, и отражение пены посредством денег в сравнении с прежними временами достигла серьезного прогресса, или обрела умение играть. Вместо первых ростовщиков и менял появились и достигли серьезного развития банки, векселя, ассигнации, кредиты, бухгалтерия, учреждение компаний, которые стали основными факторами формирования экономического катехизиса современной эпохи. Недоставало только научного объяснения, которое пытались построить политэкономисты родины политэкономии Англии, и также, как это ни парадоксально, их оппоненты, которых они позднее смогли перетянуть на свою сторону, то есть социалисты, и первую очередь, К. Маркс.

В то время, как грабительская система, называемая капиталистической экономикой, вновь поработала все общества и географические регионы путем их превращения в собственные колонии, привязывала к себе всех жертв своей мощи (путем превращения государств того периода в своих должников, что является еще одной формой аннексии), пока система развязывала самые кровавые войны в истории и утверждала свою гегемонию над обществом, превращая в свою собственность все, что с ним связано, К. Маркс и его последователи, объявившие капиталистическую экономику революцией по отношению к старому обществу, а также схожие школы мышления, на мой взгляд, не создавали никакой науки. «Капитал» является самой недостаточной, тем самым, позволяющей неверные толкования, книгой, написанной против капитала. Здесь я не обвиняю Маркса. Я всего лишь говорю о том, что у этого произведения нет категорий истории, государства, революции и демократии, в нем не развиты эти категории. Европейская интеллигенция, которая в силу своего состава считается очень «научной», пусть и субъективно неумышленно, в силу объективных положений, но своими исследованиями на почве «Капитала» (как книги) так и не создала науки и идеологии тех слоев населения, которые на антикапиталистической почве считаются «трудящимися». Что касается либерализма, то он просто прекрасно использовал эти недостатки, которые он хорошо распознал, анализ капитала и то, что на заре рождения капитализм называли революционным явлением. Наконец, позднее, ассимилировав (силой модернистской идеологии, при помощи национального государства и индустриализации) сначала немецких социал-демократов, следом за ними систему реального социализма (Россия и Китай) и, в конце концов, национально-освободительные системы, либерализм добрался и до классовой борьбы. Речь идет об однозначной капитуляции всех трех течений перед либерализмом, и жаль, что и по сей день поданному вопросу не прозвучало и слова самокритики.

Есть одно высказывание о том, что наука рано или поздно утверждает свои постулаты. Если бы то, что написано интеллигенцией, имело бы характер научного толкования капитализма, ставшего, по существу, войной, развернутой против всего общества, в первую очередь, рабочего класса, и его истории, то их труды не сдались бы столь легко противоположной системе. Что еще хуже — их наследие не было бы столь бессмысленно растрчено.

Определив, что в «Социологию Свободы» в несколько большем масштабе я вернусь к этим дискуссиям, в данной части я хочу проанализировать такое явление, как капиталистическая экономика, в рамках ее функциональности. Мне не нужно обращаться к словарю экономических терминов для того, чтобы рассуждать о таких понятиях, как излишки продукта, прибавочная стоимость, труд-ценность, зарплата, прибыль, цена, монополия, рынок, деньги, которые имеют отношение к накоплению капитала. В силу своих подходов к понятию социальной этики я оставляю эти вопросы, по которым проведены бесчисленные исследования, в их простоте и продолжу заниматься теми факторами, которые нужно раскрыть прежде всего. Но, тем не менее, в необходимой степени я коснусь этих вопросов.

Соотношение прибыли и качества на экономической базе, а также детерминация буржуа-пролетарий на социальной базе являются первыми шагами в позитивистском научном обосновании системы, которая самыми жестокими и уточненными методами ассимилировала исторические накопления человечества, растерянного капитализмом и выброшенного в атмосферу путем осуществления геноцидов и при помощи ядерного оружия. В основе позиций экономизма лежит стремление выдвигать в качестве научного доказательства такую идею, будто бы элемент, называемый пролетарием, создает ценности своим самостоятельным трудом, а далее владелец, являющийся своего рода хозяином этого пролетария, путем вложения денег и при помощи прочих средств извлекает прибыль из этой стоимости. Таково мировоззрение, включающееся в привязывании всего к экономике. Крайне проблематично даже описание стоимости, столь оторванного от истории, общества и политической жизни. Даже если «обожествлять» индивидуум до уровня капиталиста и рабочего, с таким мировоззрением они все равно не смогут создать стоимость. Социально-исторический характер экономических ценностей совершенно очевиден. Впрочем, то, что меня изначально воспринималась как нечто постыдное, а излишек продукта просто передавался в дар, связано со священным смыслом, вкладываемым в стоимость. И по сей день ни один крестьянин не говорит: «Это произвел я». Он говорит так: «Я перерабатываю добро моих предков». Даже говоря: «Хвала Господу за дары», человек выражает то, как он понимает источник, своими простыми словами, но более осмысленно, нежели так называемая наука.

Как мы можем оплатить труд матери, которая девять месяцев вынашивала будущего пролетария, затем своим невероятным трудом вырастила его для превращения в рабочую силу? Как можно сейчас установить принадлежность и доли средств производства, изготовленных при помощи тысячелетних накоплений, расхищенных владельцами капитала? Не стоит забывать, что стоимость любого средства производства вовсе не такая, как на рынке. Технические изобретения, использованные на любом заводе, является продуктом труда тысяч изобретателей. Как же определить и кому выплатить стоимость этих продуктов? Может ли человек, не растерявший своих моральных принципов, не задуматься о доле общества в этих изобретениях? Разве справедливо распределять между двумя людьми эти общественно-исторические ценности? У этих двух человек есть свои семьи, социальное окружение. Разве их семьи и социальное окружение, защищающие и оберегающие их, не имеют никаких прав на них? Вопросы можно расширить, поставив их под более острым углом, но даже этих вопросов достаточно для того, чтобы показать, насколько проблемной является дилемма прибыль-оплата.

Рассмотрим взаимоотношения владельцев прибыли и зарплаты как взаимоотношения буржуазии и пролетариата. Насколько соответствует действительности характеристика этих классов как революционных, создавших на заре своего рождения новое общество против старого общества? В истории этот союз не имеет никаких аналогов. Примеров, подтверждающих их дальнейшее противостояние из-за фундаментальных противоречий, вплоть до серьезных стычек, настолько мало, что никакого определяющего характера они не имеют. Имеющиеся факты есть ничто иное, как продолжение традиций старых конфликтов. Определяющим примером, наблюдаемым в конкретной жизни, является то, что современный рабочий является таким же придатком к телу буржуа, как некогда раб считался придатком тела фараона. История не знает примеров удачной акции рабов против своего господина. Даже широко известный Спартак, как выясняется, был повстанцем, мечтающим о статусе господина. Мы знаем, что никаких иных планов у него не было.

Не следует нам забывать, что взаимоотношения работодателя и работника, получившие в наследство тысячелетние взаимоотношения господина и раба, укрепились тысячью и одной нитью, и за исключением единичных случаев, не было серьезных выступлений работников против своего работодателя с победным результатом. В подавляющем большинстве взаимоотношения развивались на почве преданности к работодателю. Известно, что случаи, называемые восстаниями рабочих, в большинстве своем были выступлениями наполовину крестьянских элементов и были мотивированы нежеланием потерять работу. Восстания связаны с общим социальным влиянием. Именно это влияние отражается на взаимоотношениях работодателя и работников. Что особенно важно, работник боролся со своим работодателем не за свои права (это, как уже говорилось, было проблематично), а боролся против пролетаризации, против угрозы потерять работу. Более осмысленной и этически полноценной борьбой было бы стремление уберечь себя от превращения в пролетария, рабочего, не соглашаться с явлением безработицы. Мы вовсе не должны возвышать образ раба, крепостного и работника только потому, что они относятся к угнетенным классам. Напротив, действия и позиции, достойные возвышения, можно сформулировать так: противостояние собственному превращению в раба, крепостного и батрака. Для оппортунистов всех мастей общей тенденцией является то, что они сначала признают класс господ, а уже затем предлагают их слугам подняться на борьбу против господ. Именно такое мышление на протяжении всей истории приводило к поражениям в борьбе за свои права и труд. Одним словом, с такими «научными» понятиями нельзя создать ни осмысленной социологии, ни развить общественную борьбу! Говоря обо всем этом, мы отмечаем, что новее не отрицаем гнида, стоимости, прибыли, классов, мы просто считаем неправильными методы, использованные при создании пауки. Хочу подчеркнуть, что была создана ошибочная социология.

Капитализм реализует свои функции в экономической жизни общества на самом высоком уровне. Вначале эта функция основываясь на накоплении купцом капитала, благодаря монополии цен на рынке. Капитал, по определению, это постоянно растущая стоимость, выраженная в денежном эквиваленте. В особенности, па географически удаленных рынках с большой разницей в цене происходит большое накопление стоимости. Второй путь расширения — это проценты и льготы в обмен на финансовые займы, предоставляемые государству. Накопление капитала происходило па рудниковых предприятиях, в периоды голода и войн, в других важных сферах и в другие периоды. Капитал утверждался не только

в сфере торговли, ной в индустрии, транспорте, то есть там, где были возможности для накопления. Промышленная революция диктует перемещение основных сфер извлечения прибыли в промышленный сектор. В оба периода, играя на соотношении спроса и предложения, капитал старается определить место производства и потребления. В определяющей степени увеличивается величина прибыли. Если крупная торговля и промышленность были сферами прибыли на заре рождения и на этапе зрелости капитализма, то сегодня преобладающим сектором является финансовый. Такие первостепенные финансовые орудия, как деньги, векселя, банки, кредитные средства способствуют тому, что с активизацией капиталистической экономики сокращается длительность оборотов, происходит увеличение плотности размещения и расширение сферы капитала. Таким образом, в сфере прибыли появляются большие спекулятивные возможности, поэтому периоды кризиса становятся неотъемлемой частью капиталистической экономики.

Другими методами непомерного роста прибыли являются увеличение числа безработных, снижение заработной платы и отток инвестиций в страны с дешевой рабочей силой. В итоге эта экономическая формация, которая нашла свой источник в древних культурах охоты и культуры, обрела силу, позволяющую ей играть с ценами, не упустила своего шанса на развитие, ушла из-под общественного контроля путем нивелирования зависимости от морали и религии, поставила государство в зависимость от себя путем выдачи ей займов и установила свою монополию на рынке, в конечном счете окажется просто-напросто экономикой грабежа. Индустриальная аннексия в целях извлечения прибыли, актуализация одного типа производства и сферы потребления в соответствии с уровнем прибыли, последовательная нагрузка общества и окружающей среды непомерной ношей, и, как следствие, кризисы, упадок и разложение стали спутниками этой экономики с момента ее зарождения. Несомненно, речь не идет обо всей экономике. Ни торговля, ни земледелие, ни промышленность, ни пути сообщения, ни техника и рынки не являются изобретениями капитализма, напротив, это фундаментальные социально-экономические структуры, ставшие объектами тяжелой эксплуатации и грабежа. Слившись с историей и цивилизацией, они существуют в тесном сочетании с политикой.

Таким образом, я постарался выявить то, что экономизм является мировоззрением в русле определения капиталистической экономики, такой линией мышления, которая самым серьезным образом искажает действительность. Я уверен, что хоть на йоту, но мне удалось в общих чертах, на почве данного критического подхода рассмотреть это явление в тесной связи с такими категориями, как история-общество, политика и цивилизация-культура.

Версия #1

Зверобой создал 25 декабря 2025 21:20:48

Зверобой обновил 25 декабря 2025 21:24:15